

Русская старина

1872г. Том 6

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Р89

Р89 Русская старина: 1872г. Том 6 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 834 с.

ISBN 978-5-458-02759-5

ISBN 978-5-458-02759-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЗАПИСКИ ПАРТИЗАНА ДЕНИСА ДАВЫДОВА.

Воспоминанія о польской войнѣ 1831 года.

Читатели „Русской Старины“, безъ сомнѣнія, оживили въ своей памяти рыцарскій обликъ личности партизана Давыдова, по прочтеніи мастерски набросаннаго его сыномъ біографическаго очерка (см. въ „Русской Старинѣ“, т. V, стр. 624 — 639). Нынѣ предлагаемъ „Записки“ партизана о польской кампаніи 1831 г. Этотъ историческій памятникъ созданъ бойкимъ, даровитымъ перомъ поэта и партизана въ 1836 г., слѣдовательно, по самымъ живымъ воспоминаніямъ о событіяхъ, въ которыхъ онъ, либо принималъ непосредственное участіе, либо слышалъ о нихъ, какъ говорится, изъ первыхъ рукъ. Наблюдатель глубоко просвѣщенный, воинъ безъ упрека, представитель бойцовъ славной памяти двѣнадцатаго года — Денисъ Давыдовъ — внесъ въ печатаемая нынѣ „Записки“ много мѣткихъ замѣчаній, полезныхъ даже теперь; сорокъ лѣтъ спустя, послѣ того какъ были набросаны его замѣтки, онѣ не утратили своей свѣжести и интереса. Что касается до описанія событій, то оно отличается присутіемъ таланту Давыдова свойствами: живостью разсказа, образностью выраженій, и тѣмъ увлеченіемъ, которое водило его къ побѣдамъ и окрыляло его своеобразною музою.

„Воспоминанія о польской войнѣ 1831 г.“ издавна извѣстны любителямъ новѣйшей отечественной исторіи по многимъ спискамъ. Они долго ходили по рукамъ, и нѣсколько списковъ перебивало и въ наше собраніе рукописей. Лучшій изъ нихъ, къ сожалѣнію, не полный, подаренъ намъ уважаемымъ Петромъ Павловичемъ Зуевымъ, къ которому перешелъ отъ брата Д. П. Зуева, а къ тому, въ очередь, поступилъ отъ подпоручика корпуса путей сообщенія Нивцева († 1843 г.). Этотъ молодой человекъ былъ, если не ибаемся, племянникомъ Д. В. Давыдова, и изъ кабинета дяди получилъ полный списокъ его записокъ, до восемнадцати небольшихъ традѣй. Весь этотъ манускриптъ разстратился у генералъ-лейтенанта

Серг. Гавр. Веселитскаго; уцѣлѣла лишь тетрадь въ 26 полулистовъ мелкаго, убористаго письма, находящаяся въ нашемъ распоряженіи.

Затѣмъ основнымъ спискомъ при изданіи мы приняли рукопись, сообщенную сыномъ партизана, Василиемъ Денисовичемъ Давыдовымъ. Списокъ этотъ, какъ свидѣтельствуетъ сообщившій его, снятъ съ подлинной рукописи автора.

Для удобства чтенія мы раздѣлили весь разсказъ на главы. Въ концѣ записокъ приведены варианты изъ прочихъ списковъ и дополненія В. Д. Давыдова къ біографическому очерку, помѣщенному въ „Русской Славникѣ“.

I.

Паденіемъ Наполеона заключилась великая эпоха войнъ, справедливо названная эпопеей военнаго искусства. Каждое государство, участвовавшее въ низверженіи завоевателя, требовало себѣ вознагражденія за убытки, понесенные въ теченіе тягостной и продолжительной войны. Порфира исполина была разорвана на части; Англія, Австрія, Пруссія, Швеція и прочія союзныя государства были вознаграждены расширеніемъ границъ своихъ на счетъ владѣній Наполеона и его союзниковъ.

На долю главной виновницы сего чуднаго переворота—Россіи досталось герцогство Варшавское, обнаженное отъ герцогства Познанскаго, доставшагося Пруссіи, Краковской области, признанной независимою, и округъ въ Галиціи, вошедшіи въ составъ австрійскихъ владѣній. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту эпоху вещественнаго и нравственнаго могущества Россіи, когда еще не остылъ пепелъ Москвы, курившійся на жертвенникѣ отечества и цѣткн 200,000 испытаннаго русскаго войска, предводимаго опытными и искусными генералами, оверкали на поляхъ Франціи, она могла приобрести несравненно болѣе того, что она получила; не взирая на хвастовство французовъ, Франція, сознавала себя гораздо болѣе побѣжденной, чѣмъ Наполеонъ и Германія, утомленная своими собственными побѣдами.

Но великодушный государь нашъ удовольствовался лишь приобрятеніемъ для Россіи полнаго права гражданства въ Европѣ, участія въ совѣщаніяхъ европейскихъ государствъ между собою и чуждннаго шара на кровавыхъ баллотировкахъ спорныхъ мнѣ-

кій, совѣщатель. Александръ I, ограничившись присоединеніемъ къ Россіи царства польскаго, хотѣлъ (ввести здѣсь, въ видѣ опыта, тотъ родъ упрещеній, коимъ духъ возникъ послѣ паденія Наполеона) отъ наскаль себя надеждой, следуя по противоположной стезѣ, дразнить славу падшаго соперника. Раздѣлъ Польши былъ окончательдо: ириинаца и утверждены 21-го апрѣля (9-го мая) 1815. торжественнымъ актомъ, подписаннымъ уполномоченными трехъ державъ: Россіи, Австріи и Пруссіи. Вотъ статья трактата, относящаяся къ Россіи и царству польскому, помѣщенная въ договорѣ съ Пруссіей: «Статья 5-я Царство Варшавское, за неключениемъ сихъ частей оная, о коихъ упомянуто въ предыдущихъ статьяхъ и трактатѣ, сего же для подписанномъ между ея величествомъ императоромъ всероссійскимъ и его величествомъ королемъ прусскимъ, навсѣгда присоединяется къ имперіи руссійской»; это условіе, весьма ясное, не требуетъ никому никакихъ комментариевъ. Высочайшій договаривающійся державы, какъ будто недостаточно, упрощенный на счетъ выраженія, опредѣляющаго, и одно слово въ чинѣ подданство дароваго польскаго Россіи, присвокупили къ слову навсѣгда, на вѣчныя времена. «Отъ благоумошійнаго ея величества императора будетъ завѣсть распространеніе упрещеній, дарованныхъ царству польскому, въ польско-россійскія губерніи и присоединеніе сихъ послѣднихъ къ царству». Приведеніе въ исполненіе сего послѣдняго условія предоставляется, какъ выше видѣли, единой волѣ императора, но дарованіе, присвоенное царю особаго управленія требуется весьма ясно и положительно. Хотя и нашъ государь, подобно съ существующимъ порядкомъ и обичаемъ, долженъ присоединять къ провану (своимъ титуламъ дитяудѣ царя (короля) польскаго, но подати, находящіеся въ подданствѣ высочайшихъ договаривающихся сторонъ, будутъ имѣть народныхъ предубавителей и національныя государственныя упрещенія, егда снѣмъ охъ тѣмъ редомъ, политическаго существованія, факторы, видимыя въ правительствѣ будетъ признанъ за полезнѣйшій и приличнѣйшій для нихъ въ кругу совпадѣній. Спрашивается: какой образъ политическаго существованія можетъ быть признанъ за полезнѣйшій и приличнѣйшій для области, поступающей на вѣчныя времена въ составъ владѣній великаго государства? тотъ же, кою духъ наиболѣе согласенъ съ духомъ политическаго суп

ществованія государства, къ воему область присоединяется, или тотъ, который рѣшительно противоположенъ учрежденіямъ, искони въ этомъ государствѣ существующимъ. Безъ сомнѣнія, первый. Разсуждать иначе значило бы руководствоваться одностороннимъ взглядомъ, метафизическими отвлеченностями, а не благоразуміемъ, требующимъ не разрозненія, а напротивъ, приведенія духа учрежденій областей многосложнаго государства къ общему знаменателю, безъ чего невозможно единство, которое одно составляетъ силу государства. Итакъ, сія 5-я статья договора состоитъ, сама по себѣ, изъ двухъ отдѣловъ, изъ коихъ послѣдній совершенно противорѣчитъ первому,—это было вѣроятно включено въ означенные договоры не безъ задней мысли.

По подписаніи договора между Россіей и Пруссіей былъ заключенъ подобный же съ Австріей. Они были внесены въ акты вѣнскаго конгресса уполномоченными всѣхъ великихъ державъ. На основаніи этого нашъ государь, вооруженный правами, торжественно признанными всей Европой, приступилъ къ дѣлу.

Во-1-хъ, его величество принялъ царство польское въ потомственное и вѣчное владѣніе.

Во-2-хъ, онъ не счелъ нужнымъ распространить дарованный имъ этому царству образъ правленія на польско-россійскія губерніи и присоединить ихъ къ нему.

Въ-3-хъ, онъ принялъ титулъ царя польскаго, присовокупивъ его къ прочимъ имъ носимымъ достоинствамъ.

Въ-4-хъ, его величество уклонился, подъ разными предлогами, отъ введенія въ присоединенное царство представительнаго образа правленія, какъ чрезмѣрно отличающагося отъ учреждений, искони въ Россіи существующихъ. Онъ ограничился лишь дарованіемъ ему отдѣльнаго и особаго управленія, подобно тому, какое существовало уже въ Финляндіи.

Вотъ на какомъ основаніи Александръ I принялъ царство польское, права на котораго онъ передалъ своему законному наслѣднику.

II.

Наполеонъ сказалъ однажды: «Европа занималась чтеніемъ исторіи французской революціи, но я положилъ замѣтку и закрылъ книгу. Наступитъ время, когда замѣтка выпадетъ и Европа вновь обратится къ чтенію закрытой мною книги». Пророчество

великаго человѣка сбылось: замѣтва выпала и все ринулось на поприще возникшихъ преній и переворотовъ. Самые владыки Европы не могли не подчиниться вліянію этого всеобщаго движенія умовъ; почти въ одно время были дарованы хартии: Людовикомъ XVIII—Франціи, Вильгельмомъ—Нидерландамъ, Александромъ—Польнѣ. Книга революціи раскрылась и съ тѣмъ вмѣстѣ военное ремесло уступило права свои на всеобщее вниманіе гражданскому началу, которое въ теченіе 15-ти лѣтъ, скромно довольствуясь неизвѣстностью, вдругъ воспрянуло. Явились адвокаты, журналисты, разнаго рода витія, молодые люди, незнакомые съ военной службой, либо жалко въ ней служившіе отъ недостатка въ дарованіяхъ къ подобному роду занятій, кои скрывались до сего времени въ глубинѣ общества. Они заняли мѣста полководцевъ — этихъ кумировъ устарѣвшаго богослуженія, капиталистовъ — монеты, курсъ которой упалъ столь значительно. Громъ оружія былъ замѣненъ напряженіемъ гортаней и скрипомъ перьевъ. Великія побѣды были забыты, пренія же палаты депутатовъ приковали къ себѣ всеобщее вниманіе. Грустно было нашему воинственному, но невѣжественному поволенію, быть вынужденнымъ отстраниться, для того, чтобы дать мѣсто лицамъ, кои, выдвинувъ свои вещественныя и словесныя батареи, стали оглашать своими звуками несравненно большее пространство. Многіе убѣждены, что усилія ратоборцевъ настоящей эпохи клонятся лишь къ пользѣ общей, къ доставленію человѣчеству наибольшей суммы благосостоянія, свободы и просвѣщенія. Нисколько! не всё и далеко не всё движимы столь высокою любовью къ человѣчеству. И тогда, и нынѣ на человѣчество смотрѣли, какъ на собраніе цифръ, которыми рѣшались и рѣшаются задачи личныхъ честолюбій и корыстолюбій; и тогда, и нынѣ лишь жажда къ приобрѣтенію личной извѣстности или достоинства побуждаетъ многихъ къ неутомимой дѣятельности, посвященной, по ихъ мнѣнію, одному благу человѣчества. Причина всего врется лишь въ всепоглощающемъ я; войны всѣхъ эпохъ происходили большею частію лишь отъ этого. Различіе заключается лишь въ образѣ битвы, оружія и въ способахъ ими дѣйствовать. Вмѣсто Массевъ, Даву, эрцъ-герцоговъ Карловъ, Кутузовыхъ, Барклаевъ, Багратионовъ—мы видимъ Одильоновъ, О'Конелей, Могеновъ и Лелевелей.

Самый Наполеонъ, этотъ очаровательный и исполненный

повѣи исполнить, былъ замѣненъ 90-ти-лѣтнимъ диктаторомъ Лифайтономъ въ маснардскомъ плащѣ полковато гренадера; битвы Фракии, Гримеривскаго, баснословнаго утонули мѣста свои овачкамъ черни въ локмотьяхъ; фразы «Мнозики» фракамъ аббата Лямара, носторяемыхъ многими глупцамъ, вовсе языкъ неопытныхъ юнцовъ (не-кблѣза благосостоянія, истинная свобода народовъ) (я не-кблѣза) на разумію подѣ этикъ именамъ анархическое состояніе, въ волюкъ находится въ настоящее время нѣкоторымъ государствомъ) должны, повидимому, вѣчно оставаться разбитыми на куски между двумя разбойниками: честолюбивымъ военнымъ и нестолповымъ (гражданскимъ, никогда не обнаруживающимъ ни малѣйшаго раскаянія). Конечно, нѣтъ правды безъ исключенія; но эти исключенія въ насъ имаютъ мерзавельное вѣкъ сличномъ рѣдкѣ, чтобы оказать на большинство умовъ, увлеченныхъ общими потрохомъ идей, едва замѣтное вліаніе. Намъ, живущимъ въ этомъ агоническомъ вѣдѣ, нельзя не привѣтствовать отъ души это радостное, хотя и сличномъ рѣдкое появленіе изъ францужскихъ личностей, любвеобильныхъ не столько на словахъ, сколько на дѣлѣ.

Я можетъ быть ошибался, но тѣмъ же менѣе убѣжденъ въ томъ, что не желудкамъ нашего нравственно-длительнаго вѣка переваривать такую пищу, какъ свобода, на это потребны желудки древнихъ грековъ и римлянъ, которые могли ея безпредѣло насыщаться и пресыщаться ею. Ихъ мѣтучая природа принимала съ пользою благодать, испосылаемую богами Провидѣніемъ народамъ, исполненнымъ любви и самоотверженія и швершимъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Но мы, провиннутые космополитизмомъ, именуемымъ любовью къ человечеству, какъ будто бы: люблю всѣхъ не означаетъ никого не люблю, кромѣ самого себя; мы, бездушные и жалкіе скептики, безпоощадно отвергающіе все святое; мы, чалме, гнѣды и вѣднѣ прозвѣснѣ — мы не должны дерзать мыслить о свободѣ. Нѣтъ, надо стараться достать эту небесную манну, и лишь тогда она сама собой выйдеть къ намъ къ небу; но пока воспользовавшееся а будетъ единственнымъ куширомъ, единственнымъ рычагомъ всей нашей дѣятельности, всѣ наши усилія и стремленія будутъ тщетны. Намъ удѣлъ до того времени одинъ: либо — рабство, либо — анархія, удыль (римлянъ и грековъ послѣ ихъ паденія съ высоты добродѣтели и любви

въ отечеству въ то преступное, и врандальное раздѣленіе въ то утонченное себялюбіе, въ коихъ мы и нынѣ такъ погрѣши.

Свѣжа еще въ нашей памяти французская революція, Июльскій переворотъ и митеза царства польскаго, — все это, по мнѣнію тогдашнихъ говорунцовъ, было совершено лишь для блага общаго; не нужно называть мнѣ хотя одну личность или числа многихъ великихъ, такъ сказать, среди этихъ кровавыхъ событій, для котораго общаго блага стоило бы имъ собственнаго къ обществу, вы же назовете ни одной. У каждаго, какъ у личности Крылова «рыльце въ пуху». Вспомнемъ въ Тьерра, само панемариста французской революціи, и мы увидимъ проклятое и, всматривающее какъ бы противъ воли автора надъ самыми патристическими побужденіями и похвалами людей, имъ представляемыхъ. Послушаемъ Лафайета и его сообщниковъ, возбуждавшихъ при помощи огромныхъ капиталовъ, июльскій переворотъ; о чемъ горюютъ они? предпріятіе ихъ увѣнчалось успѣхомъ, ъ чемъ же имъ вздыхать? онъ вѣдь удался для всѣхъ прочихъ, но не исключительно для тѣхъ, кои волновали умы для удовлетворенія собственного честолюбія.

Послушаемъ Солтыка, превозносящаго героизмъ и самоотверженіе поляковъ во время послѣдняго митеза, а мы убѣдимся, что приемы членовъ народнаго правленія приготовили для Польши тотъ рядъ бѣдствій, кои она испытала и которыя были лишь послѣдствіемъ стремленія каждаго — извлечь изъ всего наибольшую выгоду, нимало не заботясь о прочемъ. Вѣрите послѣ этого забвенію личныхъ выгодъ для общаго блага эмиль Брютовъ и Лякурговъ нашего вѣка, съ очками на носу и въ батистовыхъ рубашкахъ, гулконокъ воврѣять убѣжденій. Денежная выгода и коммерческій расчетъ — вотъ убѣжденія нашего вѣка. Грустно становится мнѣ при мысли, что въ нашъ вѣкъ, богатый открытіями всякаго рода, просвѣщеніе, этотъ великій двигатель человечества по стезѣ усовершенствованій, допустило его пасть столь низко на этой нравственной лѣстницѣ!

Уже на второмъ сеймѣ¹⁾, открывшемся въ 1820 году, въ

¹⁾ На этомъ сеймѣ десаревичъ, избранный депутатомъ отъ Краги, держалъ рѣчь; въ которой польскіе депутаты заявили молчать призываемаго па сеймъ генерал-адъютанта Чернышева. Генерал-воентролеръ царяна Фьодора, человекъ виднаго замѣчательный по своимъ необыкновеннымъ способностямъ и

Варшавѣ, обнаружилась стремленія нѣкоторыхъ лицъ къ приобретению личной извѣстности выходками, лишенными даже приличія. Члены сейма не столько занимались сужденіями о предметахъ, представленныхъ имъ правительствомъ, сколько предавались буйнымъ противъ него возгласамъ; они находили, что введенныя нашимъ правительствомъ учрежденія были еще слишкомъ тягостны для развитія благосостоянія страны; они забыли, что для Польши самостоятельность есть дѣло весьма трудное и доселѣ невозможное; до сего времени, едва лишь Польша была предоставлена самой себѣ, какъ она накликала на себя рядъ бѣдствій и вмѣшательство сильныхъ сосѣдей становилось необходимымъ.

Дух своеволия, вспыхнувъ въ этой несчастной странѣ, могъ легко распространиться въ областяхъ, смежныхъ съ нею. Императоръ Александръ, опасаясь гибельныхъ послѣдствій подобнаго порядка вещей, повелѣлъ производить пренія безъ свидѣтелей и безъ обнародованія ихъ. Такимъ образомъ, пренія членовъ сейма сдѣлались недоступными для любопытствующихъ; путь къ удовлетворенію славолобія пресѣкъся для многихъ и не представлялось болѣе для закоренѣлыхъ враговъ Россіи возможности къ возбужденію противъ нея возстанія.

Вотъ, по моему мнѣнію, одна изъ главныхъ причинъ усиленія ненависти къ Россіи всего польскаго шляхетства; къ этому надо присовокупить и то, что новыя учрежденія царства не были введены и въ польско-россійскія губерніи, слѣдовательно надежда на возстановленіе польскаго государства въ полномъ его составѣ исчезла навсегда. Но въ то самое время, какъ мы явно подавали новыя поводы къ усиленію ненависти, питаемой къ намъ во всѣ времена поляками, мы приступали къ образованію польской арміи и тѣмъ давали имъ средства къ явному противъ насъ возмущенію.

свѣдѣніямъ, сказалъ собравшимся депутатамъ: «Такъ какъ вамъ невозможно избрѣсти лести, которую бы императоръ всероссійскій не выслушалъ уже, я совѣтую вамъ сказать его величеству, мы, государь, ни полной зависимости, ни полной самостоятельности одинаково сносить не умѣемъ». Государь, увидавъ, какіе безпорядки возникли во время преній сейма, лишилъ поляковъ конституціи, данной имъ въ 1815 г., объявилъ, что они «еще не умѣютъ пользоваться свободою». Околовъ сказалъ однажды А. П. Ермолову: «Государь сдѣлалъ большую ошибку, дозволивъ полякамъ собираться на сеймъ; это слово, напоминая имъ билое, въ состояніи свести съума не одну голову».

Д. Д.

Попеченіями російскаго правительства земледѣліе, промышленность, торговля царства были приведены въ цвѣтущее состояніе. Въ первые годы владычества Россіи надъ этимъ царствомъ, изнуренномъ войнами, контрибуціями всякаго рода, всѣ расходы были приняты Россіею на свой счетъ, доходы же его были обращены лишь на удовлетвореніе потребностей царства. По распоряженію нашего правительства выданы были ссуды для торговыхъ операцій; изъ кредитной кассы было роздано отъ 72 до 106 милліоновъ рублей въ видахъ поощренія земледѣлія; пошлина съ ввозимыхъ въ Россію польскихъ суконъ была уменьшена до одного процента, отъ чего таможня потеряла въ теченіи 15-ти лѣтъ до 60 милліоновъ рублей. Польскимъ войскамъ было назначено жалованье, значительно превосходящее окладъ, опредѣленный російскимъ; оружіе всякаго рода, порохъ и заряды были высылаемы съ избыткомъ изъ Россіи; крѣпости были улучшены по новѣйшимъ системамъ; крѣпость Замостье, столь много въ послѣдствіи намъ вредившая, была возобновлена и значительно усилена. Русскій корпусъ, расположенный близъ границъ царства, получилъ особое образованіе: всѣ, служившіе въ немъ русскіе, были переведены въ коренные російскіе корпуса, расположенные въ нѣдрахъ имперіи, выбранные изъ нихъ уроженцы польско-російскихъ губерній поступили въ составъ этого корпуса, наименованнаго Литовскимъ, коему были назначены постоянныя квартиры на самой границѣ царства. Назначенный восьмилѣтній срокъ для службы рядовымъ польской арміи послужилъ прекраснымъ средствомъ къ постепенному ознакомленію всей націи съ военнымъ ремесломъ; при первомъ востребованіи уволенныхъ отъ службы, польская армія могла быть весьма легко удвоена и утроена безъ малѣйшей потери времени на обученіе вновь поступающихъ рекрутовъ. Наконецъ алчность поляковъ къ почестямъ и наградамъ была вполне удовлетворена неисчислимыми щедротами его величества, ежегодно осыпавшими своимъ милостями поляковъ, коихъ ревность къ службѣ была засвиѣтельствована цесаревичемъ.

Такъ поступалъ Александръ I относительно поляковъ! Дѣйствія этого великодушнаго, но слишкомъ недовѣрчиваго монарха не приносили и не могли принести желанныхъ результатовъ. Его либеральныя воззрѣнія, значительно измѣнившіяся чрезъ нѣсколько лѣтъ, вслѣдствіе пагубнаго вліянія Меттерниха, руково-

дили его въ отношеніи поляковъ. Заблужденіе этого монарха, надѣявшагося навсегда прескратить источникъ существующую между Россією и Польшею вражду, стоили намъ дорого. Этр не только не произвело дѣйствій, противныхъ тому, чего ожидали, но доставило, напротивъ, полякамъ огромные способы къ возстанію и продолжительной борьбѣ съ Россією, о коихъ они же смѣли бы и помешдять.

Такимъ образомъ Польша, чрезъ тотъ мятежомъ, зарожденнымъ въ ней Александромъ I въ минуту несчастной либеральной салонности его, нестерпиво ожидала срока своего разрѣшенія. Великій князь Константинъ Павловичъ послужилъ ей въ этомъ случаѣ ненамѣренно.

Надлежало впоследствии обнаружить великія усилія для того, чтобы сокрушить оружіемъ возстаніе, которому дали молную свободу развиться до большихъ размѣровъ; къ тому же, рядъ бѣдствій разразился въ то время надъ дорогимъ отечествомъ нашимъ: холера, свирѣпствовавшая по всей Россіи; мятежь, вспыхнувшій въ военныхъ поселеніяхъ; смертоносная болѣзнь, проявившаяся въ войскахъ, возвращавшихся съ Дуная, а главное — губительная система отталкивать людей, способныхъ, безкорыстныхъ, постоянно предпочитая имъ личности ничтожныя, бездарныя, корыстолюбивыя, кои могли быть лишь слѣпыми исполнителями....

Итакъ, зарадышы разговора въ царствѣ польскомъ можно отнести къ концу того года, въ который были прекращены публичныя пренія въ палатахъ; оскорбленные тѣмъ поляки скрывали свои замыслы подъ личиною преданности къ нашему правительству, предъ которымъ они, можно сказать, пресмыкались съ колѣнныи забрешіемъ собственнаго достоинства. Нельзя, позабыть, до какой степени отвратительно работало, доходя до дна безмятежія большая часть поляковъ, относительно цесаревича (Константина Павловича); впоследствии эти, выдвигнутыи мятежомъ, личности незамедляли оскорблять его высочество дѣломъ и словомъ. Всѣ вообще, но въ особенности завѣдывавшіе какими-либо важными военными управленіями, старались, наперекоръ собственнаго нерасположенія въ фронтовой службѣ, обнаруживать безразличное къ ней рвеніе; они не щадили средствъ, чтобы угодить малѣйшимъ капризамъ своеправнаго цесаревича, котораго благосклонность и довѣріе они домогались приобрести. Они успѣли